

Эльвира Абдулова

*Возвращение
домой*

Эльвира Абдулова
Возвращение домой

«Издательские решения»

Абдулова Э.

Возвращение домой / Э. Абдулова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963706-2

Действие романа начинается в Баку в середине 50-х годов прошлого века и завершается в наши дни. Три поколения семьи пытаются сохранить традиции, передающиеся из поколения в поколение. Однако вместе со Старым городом, прошедшим через политические преобразования и превратившимся в город пылающих небоскребов, неизбежно меняются и люди. В то же самое время роман отражает народные традиции, национальную кухню, свадебные обряды, музыку азербайджанского народа и культурную жизнь столицы.

ISBN 978-5-44-963706-2

© Абдулова Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Возвращение домой

Эльвира Абдулова

© Эльвира Абдулова, 2019

ISBN 978-5-4496-3706-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родному городу...

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,
Откликается эхом песчаный простор,
Полуночные горы ведут разговор...

С. Вургун

Я тебя увидел на рассвете,
Город черной нефти и садов,
В небе гнал на юг табунщик-ветер
Табуны гривастых облаков

Дж. Джабаев

Семья – это узорчатая паутина.
Невозможно тронуть одну ее нить, не вызвав при
этом вибрации всех остальных. Невозможно понять
частицу без понимания целого.

Д. Сеттерфилд

Глава 1

Она проснулась рано, когда в шумном доме царила особенная утренняя тишина, едва нарушаемая звуками, доносящимися из внешнего мира. Проснулась, не понимая, где она и что с ней. В последнее время прошлое так настойчиво вмешивалось в настоящее, что она, очнувшись, не всегда могла осознать, сколько ей лет и где она находится. Оно, это прошлое, порой казалось более реальным, чем сегодняшний день, а быстро повзрослевшие дети и неожиданно появившиеся внуки, два шумных мальчугана, прогоняли то, что казалось ей настоящим и требовали ответов на какие-то затруднительные вопросы:

– Ты же узнаешь меня, мама? ...Да? Это я, твой сын Рауф...

– Ты помнишь меня, бабушка?..

– Мама, скоро приедут девочки навестить тебя...

– Мама, бабушка опять ничего не понимает! Иди скорей, мама! Она меня пугает!..

Иногда, будто проваливаясь в колодезь своей памяти, Фатьма упорно жила в другом времени, откуда не хотела возвращаться. Она бегала босыми ногами по пыльной дороге, относила теплые лепешки с сыром и зеленью на работу отцу, получала свою похвалу в виде поцелуя колючими усами и летела к дому опять, надеясь, что когда она покормит курочек и гусей, выполнит все поручения, то обязательно услышит от мамы: «Ну, иди, доченька, поиграй!». И тогда можно будет схватить со стола украдкой горячую лепешку и сочный помидор и залезть на самое высокое во дворе дерево, старый тутовник, и разглядывать оттуда тихую жизнь соседей, а по пыльному облачку на дороге пытаться угадать, к какому дому едет машина и кого она везет. Как счастлива она была тогда, эта чумазая черноглазая Фатя! Большая семья – две сестры и два брата, мама и папа, тетюшки и дядюшки, многочисленная родня и беззаботное детство. Блаженное состояние, потому что все вокруг – знакомые или родные люди, а папа – уважаемый человек, сельский врач, а она – Фатьма, чумазая Фатьма – младшая и любимая дочка, и все ее обожают, потому что частичка уважения и почитания со стороны односельчан достается и им, его детям...

Первые лучи солнца проскользнули в комнату сквозь нежные персиковые занавески и осветили часть ее кровати. Даже если не любоваться природой осмысленно, а так, украдкой, не придавая особого значения (как и бывало в случае с Фатьмой), утром за окном столько красоты и очарования! Земля, еще сонная и влажная от утренней росы, живет в ожидании чего-то нового и необыкновенного. Раньше, в далеком детстве, она часто проскальзывала в сад, чтобы вдохнуть эту утреннюю прохладу, зябко поежиться, накинуть на плечи мамин платок и ждать, пока не станет пригревать солнце. А сейчас она встает с трудом, с помощью близких, которые отмечают улучшение ее состояния, но она любит повредничать и часто хочет выглядеть хуже и болезненней, чем есть на самом деле. Для чего она же она растила троих детей, если нельзя опереться на них сейчас?!?

Оттолкнув здоровой ногой одеяло, она поймала лучи утреннего солнца и ощутила их тепло. Майский день определенно выдастся жарким, но в ее комнате, самой лучшей в квартире сына, будет свежо и прохладно. Из раскрытого окна доносится птичье разноголосье, шумит листва от легкого ветерка, улица постепенно наполняется жизнью. Фатьма слышит гул машин, приветствия редких прохожих, ворчанье старого дворника и вспоминает, как она когда-то говорила своим детям:

– Не будете хорошо учиться – пойдете дворы подметать!

Слава Богу, все получили высшее образование, обзавелись семьями, не всегда прислушиваясь к ее советам... ну что ж поделать – такова жизнь!

По шагам она узнала приближение невестки. Та просыпалась рано, любила послушать музыку на кухне, пока готовится завтрак. Сначала она тихонько напевала что-то себе под нос. Фатьма слышала, как закипает чайник, булькают на печке куриные яйца, достается из нового холодильника сливочное масло и деревенский сыр. Сын любил плотный завтрак и часто по утрам выходил в соседнюю булочную за свежим хрустящим чуреком (хлебом) и лавашом. Севда и дети могли наскоро выпить сладкий чай с долькой лимона и съесть совершенно бесполезный, по мнению Рауфа, йогурт. А вот Фатьма-ханум любила посидеть с сыном за столом, налить ему чай в прозрачный армуды – стакан, протянуть деревенское яйцо, прямо от несушки, с оранжевым желтком, кусочек хлеба, смазанный вкусным маслом и покрытый белым соленым сыром. Любила послушать его рассказы о сложностях современной жизни, кивнуть в знак согласия, совершенно ничего не понимая в его юридических делах, и пожалеть единственного сына, которому постоянно не везет в бизнесе. Эти моменты утреннего счастья женщина любила больше всего, потому что невестка и дети уходили немного раньше и сын ненадолго оставался с ней наедине. Ее сын и ее дом, в котором она чувствовала себя полноценной хозяйкой.

В первые дни после удара, когда сознание путалось, а все мутно-серое, искусно скрываемое, выплескивалось наружу, она как-то сказала, не узнав подошедшую к ней невестку:

– А ты кто такая? Уйди отсюда! Без тебя разберемся! Это мой дом и дом моего сына, а ты здесь – никто!

Сева молча перевернула пожилую женщину на другой бок, как велел доктор, поправила одеяло и вышла из комнаты, успокоив себя ее нездоровьем. Успокоила, не поверив самой себе... Неожиданно дверь тихо приоткрылась, и невестка заглянула в комнату:

– Мама, Вы спите? – тихонько позвала женщина.

Фатьма не откликнулась, притворившись спящей: ждала, когда в комнату войдет сын, ему она будет рада. Никогда и никому не говоря ничего дурного о невестке, она много лет назад сделала так, что все поняли: это не то, о чем она бы мечтала для своего сына. Чувствовала это и сама Сева, но особенности восточного воспитания, основополагающим принципом которого является уважение к старшим, не позволяли ей называть свекровь иначе, чем «мама». Она заботилась о ней, выказывала все знаки положенного внимания, особенно сейчас, когда свекровь приходила в себя после инсульта. Приглашенные доктора хором обещали, что уважаемая ханум быстро пойдет на поправку, требовали не лениться, разрабатывать руку и ногу, постепенно поднимаясь с кровати и увеличивая количество шагов с каждым днем, но Фатьма жаловалась на боль и плохое самочувствие, стремясь продлить свой постельный режим. Путающаяся память должна восстановиться тоже: слава Аллаху, обратились вовремя и удар был несильным. Но Фатьма-ханум с мнением врачей не соглашалась и в минуты просветления обвиняла сына и невестку в том, что те пригласили к ней плохих докторов:

– Вот Филанкес дети вылечили сразу, хорошо за ней смотрят и сейчас. Уже отвезли на дачу, морским воздухом дышит, а я в городской квартире – от жары задыхаюсь! Как могу поправиться?!?

...Через несколько минут, когда уже стало совсем ясно, что семья проснулась и дети наперегонки бежали в ванную комнату, дверь отворилась снова.

– Доброе утро, мама! Как ты спала? – любимое лицо появилось в дверном проеме.

– Слава Богу, неплохо, сынок... только ночью пить хотела, а вода кончилась... вас будить не хотела.

– Ой, мама! Позвала бы, мы принесли!

– Нет, сыночек, я уснула потом, не хотела вас беспокоить. Ты на работе сильно устаешь, а Севда крепко спит.

– Сейчас завтракать будем, я свежий хлеб купил, вчера с района сыр передали и мед хороший, как ты любишь. Тебе помочь дойти до кухни или здесь будешь кушать?

– Боюсь я, сынок, на ногу наступать, не чувствую ее совсем... я бы здесь поела, если Севда принесет.

– Конечно, мама! Сейчас и принесет!

– Пусть я буду твоей жертвой, сынок! Храни тебя Бог... а я думала, что умираю...

– Ну, что! Не говори так, мама! Все будет хорошо! – Рауф подошел и расцеловал сияющую женщину в обе щеки.

Зная, что Сева должна собирать шумных мальчишек в школу, а потом ехать на работу сама, Фатъма-ханум с радостью играла роль немощной старухи и единственное, чем облегчила жизнь молодой женщины – это с ее помощью и с огромным трудом дошла до туалета и сделала все сама. Потом, умытая и довольная, усаженная на подушки, она пожаловалась на холод в ногах и попросила любимые носки. Потом напонила, что чай любит очень горячий. Сева принесла удобный деревянный поднос на складных ножках и стала кормить свекровь. Правая рука работала, левая бесполезно лежала на кровати и по секрету от всех могла выполнять незамысловатые движения, но во время завтрака Фатъма-ханум позволяла себя покормить, ничем не обнаруживая того улучшения, которое давно обещали врачи. Был и еще один грех: вкусно поесть она очень любила. И такой завтрак, плотный, свежий, доставлял ей массу удовольствия. После того, как третий стакан чая был выпит, памперс на время отсутствия семьи был одет, Фатъма-ханум скупно поблагодарила Севу, поохала и покрякала вслед уходящему на работу сыну и погрузилась в сладкий сон.

Глава 2

Мама Фатмы никогда не работала, дел хватало и без этого, да и не принято было в те времена женщине работать. Дети рождались один за другим, муж часто бывал в разъездах и растущее хозяйство было на ее хрупких плечах. Фирангиз-ханум была скромной и трудолюбивой женщиной, звезд с неба не хватало и очень ценила своего умного и образованного мужа, которого так удачно выбрали ей родители. Они сказали, что он будет ей хорошим мужем и отцом ее будущих детей – так оно и произошло.

Рожденный в скромной и глухой деревушке, Ахмед в семнадцать лет поехал в город и сам, без чьих-либо протекций и знакомств, поступил в Медицинский институт. Начало подготовки медицинских кадров в столице Азербайджана было положено еще в начале двадцатого века. В 1919 году был учрежден Бакинский государственный университет, одним из факультетов которого был медицинский. Первые тридцать студентов-медиков были выпущены в 1922 году, среди них оказались даже две женщины, впоследствии известные в республике люди. Одна стала доктором наук, другая – известным практикующим врачом. В 1930 году Постановлением Советских Народных Комиссаров был организован самостоятельный медицинский институт с двумя факультетами: санитарно-гигиеническим и лечебно-профилактическим. Именно лечебно-профилактический в начале пятидесятых выбрал Ахмед.

Со временем студенту-медику несказанно повезло: в начале пятидесятых в столице Азербайджана осуществлялись серьезные реставрационные работы. Восстанавливали зубцы на Старой крепости. Изучив старинные снимки и рисунки, реставраторы решили вернуть крепости ее первоначальный вид. Как выяснилось, зубцы на крепостной стене всегда существовали, но в ходе войны с Персией они были уничтожены, чтобы установить артиллерийские орудия для отражения нападений вражеской конницы. Если для следующих поколений бакинцев стена без зубцов уже не воспринималась, то Ахмед впервые увидел ее другой и ходил наблюдать в свободное от учебы время за тем, как велись реставрационные работы. Величественная стена на протяжении многих веков, начиная с двенадцатого, являлась могучим рубежом и была связана со многими историческими событиями. С ростом города и началом нефтяного бума в конце XIX – начале XX века их даже хотели было разрушить, чтобы они не препятствовали росту города вширь, но, к счастью, удалось сохранить и крепость, и узкие витиеватые улочки, и многочисленные тупики.

Посидев в библиотеке, Ахмед узнал, что до вступления Азербайджана в состав Российской империи население крепости составляло чуть больше пяти тысяч человек. Он любил рассматривать старые улицы и знаменитые дома, удивлялся прочному составу, который использовали строители много веков назад, для кладки. Раствор в древности делали из самых простых вещей: из молока, яичного белка и из волокон шерсти. Дом с цепями, или «утюжок», как его называли бакинцы, имел длинную и интересную историю. С него брали начало две важные улицы Старого города: Башенная и Большая Крепостная. Поначалу это был дом купца Мамедова, затем – братьев Меликовых, а позже стал собственностью Швейной фабрики имени Наримана Нариманова. Юноша узнал, что первую женскую школу для девочек-мусульманок в 1901 году основал купец и меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев. И это было первое светское учебное заведение в Баку! Много открытий сделал для себя деревенский паренек. Крепость радовала юношу своим величием, он ощущал себя частью истории своего народа и искренне радовался тому, что Ичери Шехер удалось сохранить свою целостность.

Юноша поселился в общежитии, подрабатывал в больнице и ждал с нетерпением посылок из дома. Отправляли их, конечно, не по почте. Нет-нет, да кто-то из односельчан вез

на шумный восточный базар в столицу вкуснейшие помидоры, пахучую зелень, хрупкие нежные персики или сочные гранаты. С ними и отправляли родители Ахмеда мясо молодого барашка, соленый сыр, фрукты и овощи. В остальное время целеустремленный юноша жил на скромную стипендию и свои подработки. В сомнительных делах не участвовал, плохих компаний остерегался, избалованных городских однокурсников сторонился: он знал, что, если оступится, помочь ему будет некому.

Как-то раз он услышал, как маленькая девочка, завидев человека в узких брюках, ярких носках и кричащей рубахе, громко спросила:

– Мама, а это и есть стилияга?

Для Ахмеда это были совершенно непонятные люди, отталкивающие и своим поведением, и внешним видом. Не принимая их образ жизни, он не спешил с осуждением. Таким человеком он и остался до самой смерти.

Хотя столица встретила юношу приветливо, она же и потрясла разнообразием, живой, пульсирующей жизнью. Студенты тянулись к образованию и познанию мира, но возможности у них были весьма ограниченные. Поколение, сформированное в послевоенные годы, тянулось к свободе. Бакинские институты: АПИ, АЗИИ, медицинский университет, консерватория, Институт иностранных языков – устраивали студенческие вечера, где выступали джазовые квинтеты, знаменитые оркестры, провоцируя стилияг на танцы.

Однокурсники Ахмеда ходили на студенческие вечера в Азербайджанский Индустриальный институт, которые продолжались до глубокой ночи. Вход для студентов АЗИИ был бесплатным, а гостям продавали билеты. Говорили, что общее количество присутствующих достигало тысячи человек. На следующий день ребята рассказывали, как безбилетники пытались попасть в здание со стороны проспекта Ленина и улицы Первомайской. Наиболее отважные преодолевали опасный путь на второй этаж здания по дождевым трубам и каменным карнизам. Этого серьезному юноше было не понять. Было бы, конечно, интересно, увидеть известных артистов, послушать музыкантов-джазменов. Это так отличалось от привычной для него музыки – но без танцующих парочек, парней, стоящих вдоль стен и пожирающих голодным взором выплясывающих девушек. Говорили, они облачались в длинные узкие юбки из шерстяной ткани в «клеточку», в туфли на широкой каучуковой подошве. Ахмед отказывался от таких вечеров не потому, что боялся осуждения родителей – это было противно его природе!

Однокурсники рассказывали, как знакомились там с девушками, провожали их домой, как на студенческих вечерах появлялись так называемые «бригадмилыцы» (бригады содействия милиции), состоящие из комсомольцев и дружинников. Они охотились на стилияг, хотя до настоящих стилияг бакинские не доросли ни свободными деньгами, ни уровнем эпатажности. Они не шокировали население так, как делали это, скажем, в Москве. Вероятно, сказывался особый менталитет и уважение к традиционным ценностям.

По воскресеньям многие отправлялись на прогулку по Торговой, Ольгинской и по улице Зевина до бульвара и обратно. Однокурсники приглашали юношу присоединиться к ним – пообщаться, послушать музыку, подышать воздухом свободы, увидеть своих кумиров, но он всегда отвечал отказом. Если на Торговой в воскресенье появлялся Мехти Гумриев – все остальное было уже неинтересно. Он, законодатель мод и эпатажная личность, всегда ходил, окруженный толпой подражателей. По словам ребят, все мечтали бы войти в число его приближенных.

Однажды Ахмед, уже студент-второкурсник, направляясь в сторону Старой крепости, увидел большое скопление людей и спросил стоявшую рядом пожилую женщину в платке, что же случилось. Женщина показала ему знакомой, будто из родного села. Та, окинув высокого нескладного паренька, его мешковатые штаны, перетянутые ремешком, старую рубаху и темный, будто с чужого плеча, пиджак, видно, тоже проникшись к нему материнскими чувствами, ответила:

– Иди, сынок, своей дорогой. Там каких-то стилияг поймали. Разоделись как индюки. Вот милиция идет...

Сквозь толпу зевак Ахмед увидел, как двух молодых людей тащат за шиворот, выстригают волосы, распарывают им узкие брюки, нанося при этом удары кулаком в ухо и в затылок. Удары и оплеухи были очень болезненными, но не оставляли после себя никаких следов. Парни не очень-то сопротивлялись насилию, понимая, что силы неравны. Ахмед считал, что это несправедливо – неравное количество сил – но тех, кто носил брюки «дудочкой», туфли на высокой «манке», разноцветные пиджаки с покатыми плечами, широкие радужные галстуки, приобретенные за большие деньги, мужчинами не считал. Ему они напоминали клоунов, чье предназначение – развлекать детвору. Стилияги же, в этой странной одежде, с приплясывающим, разболтанным шагом, изображавшим на ходу целый джаз-оркестр, даже гордились собой, выставляли напоказ свое кричащее обличье.

Некоторые из районных ребят даже ходили на так называемую Студенческую аллею на бульваре, где завязывались знакомства, создавались семьи, собирались интересные люди: молодые художники Таир Салахов и Тогрул Нариманбеков, композитор Ариф Меликов, писатели Анар и братья Ибрагимбековы. Поначалу, садясь на краешек скамейки, новички смущались, но со временем вливались в бакинское студенческое общество. Но не Ахмед. Решив посвятить себя медицине, он никогда не изменял себе, всегда сохраняя свою внутреннюю целостность.

Умного и подающего надежды юношу на факультете заметили сразу. После окончания института предложили поехать в Москву, продолжить учебу в аспирантуре. Очень хотелось Ахмеду повидать столицу, но родители старели, очень скучали по сыну и хотели увидеть внуков. Кроме того, они давно подыскали ему хорошую девушку в жены, поэтому, получив диплом с отличием, молодой врач с гордостью вернулся в родное село на радость родителям и всей многочисленной родне.

Девушка и правда оказалась хорошей. Ахмед до свадьбы видел ее несколько раз, и то, как она опускала глаза при виде будущего мужа, статного черноволосого красавца, как подавала чай и приветливо встречала Ахмеда и его родителей («Добро пожаловать! Вы принесли свет в наш дом!»), очень ему понравилось. Городские девушки совершенно не могли себя вести подобающим образом, позволяли себе заигрывать с ребятами, носили юбки до колен и во всем старались походить на героинь из западных фильмов. Такую жену Ахмед не выбрал бы никогда. Фирангиз покрывала голову традиционным платком – шелковым белым келагаи, который в жару охладит и согреет в холод. Платья всегда носила в пол и была воспитана именно так, как сестра Ахмеда. Родители плохого не посоветуют – это ясно, а любовь – она придет со временем. Так решил молодой человек. Ну, а какой прекрасной партией он был для восемнадцатилетней сельской девушки – и говорить нечего. И красив, и умен, и не по годам серьезен, не пьет, не курит, будет уважаемым человеком в селе, а в дальнейшем – и в целом районе.

И началось, закружилось особое действо со сложным порядком, многоступенчатое, традиционное, с обязательным выполнением обрядов и ритуалов. Поначалу мама Ахмеда со своей сестрой (хала) и с сестрой отца (биби) направились в гости к Фирангиз, чтобы познакомиться получше (гыз гёрдю – смотрины) с ней и с ее матерью. Все друг друга в селе прекрасно знали, но традиции никто не отменял. В старые времена это могли быть и неожиданные гости, но не в этом случае. Обе стороны были рады породниться, но действовали строго в рамках установленных традиций. Женщины встретились и обговорили дальнейшие этапы сватовства. Дальше на сцену выходили мужчины – они договаривались по-своему, по-мужски. К сватовству готовились очень серьезно. Мама Фирангиз и ее пожилые родственницы не выходили из кухни несколько дней: готовили много вкусных блюд и сладостей, а родители жениха пригласили несколько пожилых родственников и самого почтенного и уважаемого, аксакала, который

начал разговор в доме невесты с традиционных слов «у вас – девушка, а у нас – юноша» и объяснил причину их прихода. Конечно же, согласие невесты было получено, и на стол подали чай со сладостями. Сторона жениха по традиции положила много сахара в чай и произнесла поздравления молодым: «Мубаряк олсун!» (Пусть будут счастливы!)

Следующим этапом свадебной церемонии было обручение – нишан, к которому тщательно готовились и родные жениха, и родственники невесты. Основными атрибутами этой церемонии являлись шаль и кольцо. Вольностей не позволялось, и мама жениха (гайнана – свекровь) сама выбирала шаль и кольцо: ей лучше знать, что именно принести невесте. Фирангиз досталось фамильная драгоценность – кольцо бабушки, которое передавалось первенцу в семье. Свекровь покрыла голову и плечи девушки красной шалью, одела кольцо смущенной и опустившей глаза невесте. Сторона жениха также принесла подарки на подносах и в корзинах – их должно быть семь – со сладостями, конфетами, отрезами ткани и, конечно же, с сахаром. Огромную сахарную глыбу Фирангиз хранила до рождения первенца, Азера, потом ее можно было делить на кусочки и есть. Еще одним немаловажным атрибутом обручения был торт: половину с именем невесты забрал жених, вторая половина досталась Фирангиз. А дальше, за три дня до свадьбы, был девичник. На подносе в дом невесты принесли хну, сладости и подарки. Это золотые украшения и платье, которое она наденет на свадьбу. Собрались женщины, развели хну и нанесли невесте на обе ладони: вывели начальные буквы имени жениха и невесты. Незамужние подружки и родственницы невесты тоже разрисовали свои ладошки на счастье! Девчонки танцевали и веселились, подбадривали невесту и желали ей много здоровых детишек от такого красавца-жениха. А на следующий день мама Фирангиз вернула подносы в дом Ахмеда, наполнив их полотенцами, бельем и одеколонами. Мальчишник происходил в бане: ребята вкусно пообедали, попарились и отметили окончание холостяцкой жизни. По традиции в селе свадеб было две: у невесты – гыз-тою и у жениха – оглан-тою – свадьба без невесты, после которой Ахмед забрал наконец Фирангиз к себе в дом. В те времена не праздновали ни в кафе, ни тем более в ресторане. Это была так называемая «палатка тою» (свадьба в палатке), все очень скромно, но весело и вкусно. Внутри огромной, натянутой во дворе палатки накрывали столы, приглашали музыкантов и долго праздновали. Могли три дня, а могли и целую неделю! Широка восточная душа, много родных и друзей, на чьих свадьбах уже погуляли или будут гулять родители жениха и невесты, поэтому оскорбить никого нельзя. Сейчас «палатка-тою» употребляется в совершенно другом значении, означает отсутствие вкуса, культурного и материального положения, а в то время была обычным явлением как в городе, так и в селе.

За день до свадьбы в палатке, защищающей гостей от солнца и дождей, помещающей до сотни человек, собирались мужчины. Из казана исходил чудесный запах: готовился только что зарезанный барашек и его внутренности. Ахмеда усадили в центре вместе с друзьями, пелись песни, восхваляющие такого прекрасного жениха, звучала народная музыка, любимая зурна и кеманча. Жених, порядком уставший от суеты и предстоящих волнений, смущался от такого внимания. Пришли его родные – дяди и братья – и в чемодан, стоящий неподалеку, опускали деньги для будущей семьи. Ненадолго заглянули и женщины, взрослые родственницы. Они принесли отрезки тканей и увешали ими жениха. Для будущей семьи это большая помощь и дорогие подарки.

После того, как все ритуалы были соблюдены и торжества закончились, молодые смогли наконец остаться наедине. И жених, и невеста были невинны, оба боялись этого неловкого момента, но молодой врач, подкованный теоретически, надеялся справиться и с практической стороной вопроса. Им было беспокойно еще и потому, что именно в это время на сцену выходила таинственная женщина – йенгэ. Сколько интересных историй знала она, сколько тайн могла хранить! По традиции перед первым исполнением супружеского долга жених должен был выпить крепкий чай и положить под матрас несколько купюр для «йенгэ». Их она заби-

рала вместе с доказательством девичьей невинности и относила прежде всего матери жениха, где получала подарок, а уж потом – матери невесты, которая тоже не оставляла носительницу хорошей вести без внимания. Через два часа Ахмед вынес простыню йенгэ, уважаемой замужней женщине. В некоторых деревнях поговаривали, что простыню вывешивали для всеобщего обозрения и даже гордились этим, но, слава Богу, не в этом случае. Такой дикости обе стороны не приветствовали. Бедняжка Фирангиз и так боялась показаться на глаза всей родне после той ночи. Свекровь (гайнана) на следующий день подарила ей кольцо, молодой женщине усадили на колени малыша, чтобы по поверию первенцем

был мальчик, а шаль, снятую с ее головы, повесили на плодоносящее дерево.

Молодые не заставили себя долго ждать: через девять месяцев, точно в срок, появился младенец мужского пола, а потом с завидным постоянством рождались один за одним малыши. Ахмеду в скором времени предложили место в районной больнице, и они переехали в районный центр. Не столица республики, конечно, но большего молодые родители и не хотели. Шум и суета большого города, где много соблазнов, где не чтут традиции, их совсем не привлекали. Там стали ходить в школу старшие дети, там семья поселилась в старом деревянном доме, который помнила маленькая Фатьма. Незатейливый дом с несложным, но растущим хозяйством: курочки, гуси и барашки помогли молодой семье прокормить детей, фруктовые деревья в саду – приготовить варенье и компоты на долгую ветреную зиму. Счастливым было время – таким его помнили все дети!

Родители любили друг друга. Вечерами, уложив детей, подолгу засиживались у горячего самовара. Фирангиз готовила мужу его любимые блюда, угощала любимым вареньем – из белой черешни. Он слушал, как она рассказывает о том, как прошел день, и любовался ее прекрасными длинными волосами, которые видел только он. Никогда, кроме как перед родными и мужем, Фирангиз не снимала кялагаи.

Иногда Ахмед уезжал в командировку в Москву и привозил невиданные сладости – вкуснейшие шоколадные конфеты, обернутые в фольгу и яркую бумагу. Девочки разглаживали фольгу пальчиком и укладывали обертку в специальные коробочки, а потом хвалились «сокровищами», даже обменивались ими. Дети могли съесть все вкусности за несколько дней, но правила восточного гостеприимства гласили: все лучшее – гостю, на праздничный стол. Фирангиз выбирала потаенные места для того, чтобы сохранить лакомства, но дети постоянно, раз за разом, их обнаруживали. Однажды молодая мама от неожиданности расплакалась, увидев ровно половину того запаса, что она отложила к священному празднику весны – к Новруз Байраму. Готовился казан рассыпчатого, желтого от специй риса, с нежнейшей бараниной, с сухофруктами и каштанами, а к чаю подавали традиционные сладости: любимую всеми шекербуру, пахлаву, красивую, вырезанную ромбиками с орехом в центре и соленый рассыпчатый гошал. Шоколадных конфет в тот год на столе было непривычно мало: дети смотрели исподлобья виновато, родители – строго, едва сдерживая смех. Кто съел конфеты, так и осталось тайной...

Никаких других заказов скромная Фирангиз мужу не делала – могла попросить разве что ботиночки для мальчишек или московскую школьную форму для девочек. А себе не требовала ничего – все у нее есть: любимый муж и, слава Богу, здоровые и счастливые дети!

Глава 3

Сквозь сон Фатма слышала смутные звуки, еле уловимое движение настоящей жизни, но она не хотела возвращаться оттуда, где ей было так хорошо.

...Покойный муж, Вагиф, молодой и красивый, ухаживал за ней робко и не нарушая традиций. После того, как ей одели на руку кольцо, им было позволено иногда проводить время вместе. Он, одолжив у старшего брата машину на несколько часов, заехал за невестой и, получив разрешение родных, пригласил ее на прогулку. Они тогда уже жили в городе, у Евгении Петровны. Фатя была студенткой третьего курса и казалась себе настоящей городской девушкой, стараясь изо всех сил забыть про деревенское детство. Вагиф ждал ее у подъезда, и она сквозь приоткрытую занавеску наблюдала, как он протирает лобовое стекло, стряхивает пылинки с сидений, покрытых коврами накидками, настраивает радио, а потом, облокотившись на бампер белой «пятерки», гордо курит у ее подъезда. Пусть соседи видят, что жених везет Фатю на машине.

Старшие сестра, уже опытные и замужние, давали ей советы, как вести себя с женихом, но она все еще стеснялась намекнуть на приглянувшееся ей платье, которое принесла знакомая спекулянтка (алверчи, как говорили в Баку). Ей так хотелось его иметь! Серое, с красно-черным геометрическим узором, с тоненьким пояском, воротничком-стойкой и перламутровыми пуговичками! Прихорашиваясь, она намеренно заставляла его ждать. У двери сбрызнула себя капельками модных французских духов, что ей принесли на нишан, обручение, и вышла наконец к заждавшемуся жениху.

Во сне они бродили по Приморскому бульвару, еще чужие и осторожные. Было тепло, цвели деревья, девушки гуляли в самых лучших своих нарядах. Ветер уносил мазутные пятна далеко в море, а чайки громко кричали, то ли ссорясь, то ли о чем-то оживленно беседуя. На бульваре уже загорались огни шашлычных, кутабных и рыбных ресторанов. Низенький человек с огромным пузом стоял, улыбаясь у чайханы, обнажая целый ряд золотых зубов. Из помещения доносилась народная музыка: московские передачи в таких заведениях были не в почете. В будни шашлычные были обычно не такие заполненные, как в выходные, но и сегодня, в пятничный вечер, струйки дыма и вкусно пахнущее мясо зазывали посетителей. Но Фатя знала: там, где много подвыпивших мужчин, ей не место. Вагиф почти не касался ее, только при виде идущих навстречу молодых мужчин слегка придерживал ее за локоть и становился все более гордым и воинственным. Спина выпрямлялась, усы смотрели в сторону, он в минуты волнения непроизвольно поправлял их правой рукой, глаза смотрели неприветливо и оборонительно: это моя невеста, и этим все сказано. Фатя мечтала, о том, чтобы они поскорее зашли в знаменитое кафе «Жемчужина» поесть мороженое – уж очень ей нужно было удалиться в туалет, а сказать об этом она ни за что бы не решилась. Вагиф, не торопясь, рассказывал о своей работе, о том, что свадьба будет скромной, человек в сто уложатся, а потом наконец поселятся вместе, в его однокомнатной квартире, которую выделили молодому инженеру на заводе. Думая об этом, Фатя краснела: что последует за свадьбой, об этом она и не заикалась! Она так стеснялась этого молодого мужчину, что с трудом представляла их совместное житье-бытье, а хихиканье старших сестер при обсуждении чего-то своего, ей пока недоступного, принимала за ужасное испытание, которое скоро предстоит и ей. Слава Богу, она дотерпела до кафе, и теперь Фатя, спокойная и гордая девушка, могла, наконец насладиться шариками мороженого, которое подавали в металлических вазочках с гнущимися во все стороны ложечками.

Ни пластиковые стулья, ни липкий стол, который не торопилась протереть немолодая официантка, не могли помешать Фатиному счастью. Сравнить ей было особенно не с чем. В ее родном районе единственным публичным местом, куда могла отправиться молодая

девушка в сопровождении старшей родственницы, был базар. Чайхана как место встреч и душевных разговоров предназначалась исключительно для мужчин. Опытный чайханщик знал все про завсегдатаев, помнил, кто из них что любит, и его грязный фартук, несвежие ска-терти и мухи в заведении совсем не говорили о неряшливости и уж тем более об отсутствии прибыли – нет! А какие столы он накрывал для «своих»! Избранные могли пользоваться осо-быми привелегиями. Чайханщик, как правило, был достаточно состоятельным человеком, осо-бенно для села. Он ездил на хорошей машине и выдавал своих дочерей за уважаемых людей. Как невинное чаепитие, так и гастрономическое пиршество всегда могли закончиться важным мужским разговором и серьезной договоренностью.

Оглянувшись вокруг, Фатя увидела несколько таких же молодых пар и подумала: как все же ей повезло в жизни! Сидит на Приморском бульваре и ест ложечкой почти растаявшее мороженое, посыпанное шоколадной крошкой, с красивым женихом. Купил бы он ей то загра-ничное платье – была бы еще счастливее, ей Богу!

...Кто-то настойчиво теребил ее за руку, и ей пришлось открыть глаза. Увидев невестку, она выразила недовольство: опять она мешает ей досмотреть такой хороший сон! Фатья решила отомстить и, поохав и пробурчав «ах, как больно» и «спать опять не дают», все-таки спросила:

– Что?!?

– Мама, просыпайтесь! Сейчас доктор придет. Давайте я покормлю Вас и переодену.

– Какой доктор?

– Семен Маркович, помните? Он уже приходил к Вам два раза.

– Зачем? – то ли притворяясь, то ли действительно ничего не помня, спросила Фатьяма-ханум.

– У Вас был инсульт, мама. Доктор хочет посмотреть, как идут дела...

Может быть, подберет новое лекарство.

– Какой инсульт? Это у соседки со второго этажа был инсульт, ее дети сразу к себе забрали, сейчас уже ходит...

– И Вы пойдете, надо только начинать двигаться.

– А ты, я смотрю, медсестра? – ехидно подметила женщина. – Так хорошо говоришь, сладкий язык у тебя!

– Нет, я жена вашего сына, Рауфа... помните меня, мама?

– Я тебе не мама, у меня свои дочки есть! Я их жду!

– И они тоже скоро придут, – Сева старалась не обращать внимание на выпады больной старухи, – давайте сходим в туалет, белье поменяем, доктор скоро придет, неудобно при нем...

– Уйди! Я сама пойду! – Фатья оттолкнула руку женщины и пробовала подняться с кро-вати сама, – И воды горячей поставь! Помню, когда мы с Вагифом и детьми приезжали в район, в наш старый дом, он первым делом всегда чайник ставил и грел воду мне и девочкам в боль-шой кастрюле.

– А где Вагиф? Почему он не приходит?

Сева замешкалась на минутку и сказала:

– Сначала доктор придет, а потом, может быть, и он.

– Врешь ты все! Он давно не приходит – значит, нет его!

Иногда старуха мыслила разумно, и Сева не знала, что сказать в ответ. Она плотно закрыла дверь, чтобы случайно не заглянули мальчишки, и стала мыть больную. Во время всех гигиенических процедур свекровь сопротивлялась, как могла: изгибалась, отталкивала, жало-валась на боль, отгоняла невестку как надоедливую муху, мешая делать и без того непростые вещи...

– Пусти меня! Я пойду в туалет сама!

– Вам нельзя одной, давайте я помогу! – свекровь рвалась встать с кровати.

– Твой туалет, что золотой? Мне нельзя туда ходить?.. Ах, ты какая! Поставь горячую воду, я сказала! Сама купаться буду!

Сева заметила, что парализованная рука Фатьмы-ханум может двигаться: та хватала ее обеими руками и мешала. Что с головой – молодая женщина понять не могла. Старуха и правда ее не узнает или намеренно изображает потерю памяти, чтобы высказать все, что думает на самом деле?

К приходу Семена Марковича Фатьма-ханум сидела причесанная, опершись на подушки, в новой ночной рубашке и в чистом памперсе. Врачу, которого горячо рекомендовали хорошие знакомые, можно было довериться из-за одной фамилии и огромного опыта, но и отзывы были один лучше другого. Едва войдя в дом, он начинал тщательно мыть руки горячей водой, будто перед этим весь день копался в земле, потом также долго надевал отутюженный белый халат, спрятанный в портфеле и наконец приступал к осмотру больной.

Левая сторона еще не вполне оправилась, но давление стабилизировалось, и в целом уважаемый Семен Маркович заметил значительные улучшения. В конце осмотра Фатьму-ханум положили на правый бок и доктор показал, как нужно избегать пролежней, несколько раз за день переворачивая больную.

– Пусть поднимается и потихоньку передвигается по комнате. Вы же купили ей «ходунки»? Не поощряйте ее лень, пусть разрабатывает руку и ногу!

– Трудно с ней: капризничает, вредничает, – тихо призналась невестка.

– Я вас понимаю, все они такие, – сочувственно откликнулся Семен Маркович, – и все же поднимайте ее, пусть не залеживается!

Фатьма-ханум оставалась безучастной, будто речь шла не о ней.

– Appetit у нее хороший, спит хорошо, за давлением я слежу регулярно, иногда и рассуждает она вполне разумно...

– Ну вот, – пробовал пошутить Семен Маркович, – наличие аппетита – это залог выздоровления, хотя, конечно, – посмеявшись, добавил он, – некоторые из них исправно едят больше трех раз в день и при этом обвиняют родных в том, что те морят их голодом.

Фатьма-ханум неожиданно для всех застучала здоровой рукой по стене.

– Что Вы делаете, мама? – спросила Сева, склонившись над кроватью.

– Вам что-то нужно?

– Нужно, конечно! Хочу, чтобы Вагиф пришел, подарочек мне принес и чтобы дочки мои приехали, за мной посмотрели!

– Вот она, Ваша дочка, – вмешался Семен Маркович, – кому еще Вы нужны?

Больная странным, пустым, будто невидящим взглядом окинула невестку, потом врача и ответила:

– Нет, это не моя дочка!

– Почему же? – Семен Маркович говорил с ней так насмешливо и отстраненно, будто рассматривал невиданное в природе существо в микроскоп и собирался вести записи в своем научном дневнике о состоянии испытуемого.

– Она Вас кормит, ухаживает за Вами уже больше месяца.

– Нет! – упрямо не соглашалась больная, – мои дочки не спят до двенадцати, они работающие, а эту не дозовешься!

– Разве она за Вами плохо смотрит?

– Она? – спросила женщина, на минуту замешкавшись, – она хорошо...

Будто что-то вспомнив, ухмыльнувшись, добавила:

– Это какая-то добрая медсестра... она меня утром вкусно кормила, – и закрыла глаза.

«Боже мой! Какая каша в голове!» – подумала Сева и, воспользовавшись тишиной, предложила доктору выпить чай. Он в спешке отказался, хотя в предпоследний свой визит с удовольствием пил горячий крепкий чай с вареньем и пахлавой, рассказывал о семье и интересных случаях из практики. Конверт с гонораром ждал его в коридоре, у зеркала. Доктор незаметно смахнул его в открытую пасть портфеля, также аккуратно сложил свой безукоризненный халат, пожелал больной здоровья, а семье – терпенья, и быстро удалился, по-молодецки спустившись по лестнице и не дожидаясь лифта.

Глава 4

Все в районе знали, что молодой доктор очень любит свою жену. Оказалось, родительский расчет был верным и чувства, действительно пришли после свадьбы. Ахмед был человеком легким и замечательным. Когда входил в дом, преображалось все пространство вокруг. Дети бежали ему навстречу, супруга спешила накрыть на стол, получив свой поцелуй в лоб. Они были женаты уже несколько лет, а она все еще смущалась перед детьми из-за подобных проявлений чувств, считала это постыдным. Добрый, чуткий и отзывчивый, Ахмед обладал твердым мужским характером и ни за что бы не поступил вопреки своей совести. Он не шел на компромиссы и никогда не совершал врачебных ошибок, подходя к любому пациенту ответственно и обстоятельно. Вечерами он читал медицинские книги, делал заметки в своих тетрадах и навещал больных, которые нуждались в особом внимании.

Нежность, с которой Ахмед относился к молодой жене, удивляла родных и знакомых, заставляла женщин завидовать, а мужей с раздражением добавлять «хватит-да!», слыша очередной рассказ о том, что молодой доктор гуляет по выходным дням с детьми, помогает жене по дому. Конечно, то, что кавказский мужчина готов был даже стирать и гладить детское белье, знали лишь самые близкие. Храня это в тайне, Фирангиз всегда выходила во двор вешать белье сама, потому что есть же предел положенного и унижать мужчину никак не следует.

Кто жил на Кавказе, тот знает: даже вешать белье нужно там по особому правилу. На первой веревке, самой защищенной от чужого глаза, располагается нижнее белье. Дальше идут более крупные вещи, вывернутые наизнанку: так безопаснее из-за палящего солнца. Сама открытая для постороннего глаза веревка прикрывала всю картину огромным, непроницаемым постельным бельем. Если в дом приезжала молодая женщина, то она свое нижнее белье прикрывала еще и плотной тканью, чтобы, не дай Господь, мужчина не увидел исподнего.

Дети любили играть между веревками, прятались за длинными простынями и пододеяльниками от злобного петуха, свободно ступавшего по двору и отличавшегося скверным нравом. Его гортанное кукареканье будило всю семью, а их скромное хозяйство постепенно разрасталось. Фирангиз мечтала о корове и теплом свежем молоке для детей. Всему научила Фирангиз своих дочерей и надеялась на то, что и их родительский расчет в свое время окажется верным, и их дети будут так же счастливы, как и они с Ахмедом!

Когда старшие дети пошли в школу, семья сблизилась с молодой учительницей, Евгенией Петровной. Сельская школа была маленькой, и начальные классы поручили ей, выпускнице педагогического института. Высокая, статная, с округлыми женскими формами и копной русых волос, Евгения Петровна была очень привлекательной женщиной. Летом на лице появлялись густые веснушки, будто горстями рассыпанные по миловидному личику. Это ей очень шло и никак не сочеталось со строгим видом, который любила напускать на себя для пушей важности молодая женщина. Сельчане узнали, что в столице республики живет ее мама: именно туда во время каникул уезжала Евгения Петровна. Там она сбрасывала с себя всю строгость, превращалась в веселую девчонку, встречалась с друзьями, загорала на пляже, ходила в кино, а по вечерам успокаивала волнующуюся маму и раздражалась от вопросов, касающихся ее личной жизни.

– Никого у меня нет, мама!

– Ну, как же так, доченька? Тебе уже двадцать пять... пора бы, да и я внуков увидеть хочу.

– Успеешь еще, обещаю!

– Ну что ты там, Женечка, заперлась в своем селе? Возвращайся в Баку, и здесь много работы! Пойдешь в городскую школу...

– Нет, мамочка, – задумчиво отвечала Женя, – у меня там... ученики. Меня все любят, и я к ним привыкла. Не могу я их бросить!

– Не понимаю я тебя, доченька!

Ее, городскую девчонку, послали по распределению в район уже три года назад. Поначалу молодая женщина чувствовала себя там неуютно, но со временем сельчане приняли ее хорошо, отметив скромность и порядочность молодой учительницы. Желающих закрутить роман с одинокой русской девушкой было много, но Женя крепко закрывала ставни своего дома, носила скромную одежду, собирала волосы в тугий пучок и не выходила на улицу по вечерам. Когда Ахмед попросил Женю-ханум помочь его детям с русским языком, та с удовольствием откликнулась. Ей не хватало общения, а молодой врач учился в столице республики, как и она. Им было иногда интересно переброситься словами, обсудить новый фильм или прочитанную книгу. Фирангиз говорила по-русски с трудом, Ахмед был все время занят, так что детям очень не хватало практики. Родители видели их будущее в столице, мечтали о том, чтобы все пятеро получили хорошее образование, поэтому молодая учительница стала частым гостем в их доме. Скромная и гостеприимная Фирангиз подавала в комнату чай и сладости, улыбкой встречала и провожала гостью. Об успехах и сложностях учебного процесса Женя-ханум говорила только с Ахмедом. Вопреки предостережениям старших женщин Фирангиз никогда ничего дурного даже не могла подумать – настолько тепло и радостно было им с мужем вдвоем. Она чувствовала своим женским сердечком: муж ее очень любит, а ее душа большего и не просила. Ахмед и дети – это самый счастливый мир для нее...

Шли годы, дети выросли, а Женя-ханум так и не выходила замуж, хотя сельчане знали: к ней сватались многие, даже сын директора магазина. Наглый и избалованный парень, не привыкший к отказу, караулил ее около школы, часами просиживал в машине около ее дома. Девушка не выходила и надежду ему не давала. Однажды ночью скандалист, изрядно выпив, стал ломиться в двери и просить ее выйти:

– Что ты еще хочешь от меня? Все тебе будет! И золото, и бриллианты! Хочешь – в Москву поедем? Мой отец все для меня сделает! Женя, выйди сюда! Выйди! Хватит меня мучить – да! Что ты из себя строишь? На кого надеешься?!? Выходи за меня, Женя!..

Ребята из соседних домов насилу увели хулигана, а утром все обсуждали произошедшее, но никто не посмел сказать ни единого дурного слова в адрес безупречной учительницы.

Маленькая Фатя узнала о скандале со слов пожилых женщин, готовивших абрикосовое варенье на кухне ее бабушки, и ей трудно было представить Евгению Петровну такую, какой она ее обычно видела, героиней скандала. Строгая, статная, аккуратная – настоящая «мюал-лимя» (учительница)

А вот другой случай запомнился Фате прекрасно. И не с чьих-либо слов.

– Стихийные бедствия, – говорил папа, – это напоминание нам, людям, от природы о том, кто все-таки главный...

Однажды ночью папа разбудил всех и велел побыстрее одеться и выйти на улицу. Спронья девочка ничего не поняла, ей хотелось спать, а мама суетилась, одевала детей и хватала теплые одеяла. Папа в спешке брал документы и выводил всех на улицу, боясь нового толчка. Пол под ногами ходил ходуном, люстры раскачивались, как при порыве ветра, дребезжали стаканы и кружки на кухне. Старенький домик выстоял, жертв в районе, хвала Господу, не было! Только трещины в неказистых постройках и разрушенные заборы, бегущие вдоль улицы. Трясло весь день и следующую ночь. Вечером Ахмед перевез к ним Евгению Петровну.

– Она будет с нами, пока все не утихнет. Дом у Жени-ханум совсем старый, вот-вот развалится, у нее здесь больше никого нет. Она хотела ночевать в школе, но я не пустил, – сказал он Фирангиз, пропустив вперед учительницу с ее скромными пожитками.

Фатина мама приняла гостью с улыбкою, а когда беспокойные дни закончились, «мюал-лимя», вежливо поблагодарила хозяев за гостеприимство, вернулась к себе домой.

Глава 5

Маленькая Фатя, когда девчонки рассуждали о будущей семье, мечтали о красавце-муже, который принесет им много золота и будет выполнять любые прихоти, говорила так:

– Я хочу, чтобы мой муж любил меня так, как папа любит маму, но еще... чтобы он был богатым!

Еще тогда, когда она сидела на старом тутовнике и пыталась представить свою будущую жизнь в радужных красках, разглядывая соседские дворы и проезжавшие мимо машины, Фатя мечтала о том, что когда-нибудь вернется сюда взрослой, красивой и богатой на большой машине, с хорошим мужем, на зависть всем соседским девчонкам. У них машины не было, потому что отец Фати был честным человеком и никогда не брал с больших денег. А можно ли было купить машину, если воспитываешь пятерых детей?.. От благодарности не отказывался, но какая могла быть благодарность в ту пору в районном центре? Кто-то приносил свежие яйца, мясо молодого барашка, кто-то угощал домашним вином или медом с собственной пасеки. Конечно, в священный для всех мусульман праздник весеннего равноденствия, в Новруз Байрам, дверь в дом доктора не закрывалась. Плов и сладости, конфеты и сухофрукты – все, чего душа пожелает, несли благодарные односельчане. От таких даров Ахмед не отказывался. Его душа была спокойна и чиста – он и не знал, о чем мечтала его младшая дочка. Супруга Фирангиз была довольна всем, что давал ей Бог: гордилась успехами мужа, радовалась здоровым детям, воскресным дням, предстоящей свадьбе двоюродной сестры и новому навету во дворе, который обещал муж сделать к лету.

Их младшая дочь мечтала о совершенно другой жизни. Любовь она понимала так: она, нарядная и красивая, обвешенная золотыми украшениями, лежит на мягком диване с видом на море, а он (в этом моменте зияла пустота, его она не представляла никак) интересуется ее желаниями, настроением и душевным состоянием, готовый удовлетворить любую ее прихоть. Фатя и не думала, что ни у кого не хватит сил и терпения бороться за внутреннее равновесие другого, ничего не получая взамен.

Фатя изо всех сил противилась учебе, но, благодаря настойчивости отца и помощи Евгении Петровны, все же смогла закончить школу без троек. Этот отрывок своей биографии она упорно скрывала от собственных детей, и со временем ее жизненная история преобразалась, наполнялась новыми красками и становилась все более идеальной. Сейчас она и сама уже верила в то, что хотела учиться в столице республики и без труда поступила в педагогический институт, носивший имя классика азербайджанской литературы Мирзы Фатали Ахундова. Евгения Петровна внесла свою лепту в воспитание всех детей Ахмеда, и Фате предстояло стать учителем русского языка и литературы.

Глава 6

В эту ночь ей снились голоса, все они были частью ее расстроенной больной головы, все они что-то повторяли в растерянности и тревоге. Было в этом что-то хорошо ей знакомое, но она отказывалась это слышать: голос старшей дочери обвинял ее: «Мама, почему ты так со мной поступила? Что я тебе сделала?»... Она проснулась с волнением в сердце и решила еще раз сегодня спросить у сына, когда же придет Мариам. Потом, прежде чем она успела обрадоваться принятому решению, что-то смешалось в ее голове, и она забыла о старшей дочери.

Когда открыла глаза снова, увидела синюю тучу на утреннем небе сквозь тонкие полупрозрачные занавески. Представила, как поднимается робкое солнце, выпирая то в одном, то в другом месте серого слоя и на ощупь пытается выбраться наружу, выплеснуть ослепительный свет на влажные крыши домов и серый асфальт. Интересно, получится ли у него? День будет пасмурным или солнечным?

– Доброе утро, мама! Как ты спала?

Не понимая, кто это склонился над ее кроватью, Фатма-ханум осторожно ответила:

– Спасибо, хорошо.

По блуждающему взгляду он понял: мать находится где-то далеко и опять его не узнает.

– Все хорошо, мама. Это я, Рауф... – мужчина поцеловал больную в щеку, она слегка отстранилась.

– Нет, ты не мой сын... Рауф в школу ходит, такой сорванец! Не слушается меня, когда отца нет дома. Говорит, я – никто. Отец – главный, он деньги зарабатывает... – видно было, что эти воспоминания доставляют ей радость, веселят, хотя сам Рауф об этом вспоминать стыдился.

Он хорошо помнил то время, когда отец стал заниматься бизнесом и у них вдруг появилось все то, о чем они раньше могли только мечтать. Инженер получал немного, потому жили они скромно. В начале девяностых Вагиф уехал в Россию, и стал понемногу заниматься то одним, то другим делом. Как потом стало ясно, помимо работы в ресторане (он был администратором, закупщиком и впоследствии совладельцем), отец занимался продажей спиртного, отправлял фуры с безакцизной алкогольной продукцией на родину и в разные уголки России, то есть ходил по лезвию бритвы. Нелегальная торговля приносила огромную прибыль, и все они тогда ошалели от количества появившихся в семье денег.

Фатма, боясь потерять успешного мужа – охотниц найдется немало! – собрала двоих детей и быстро переехала к Вагифу. Тогда-то шестилетний сын осознал, что может получать десятки «Киндеров» и «Сникерсов» ежедневно. Друзья отца (конечно, же земляки, которыми окружил себя осторожный мужчина) вечерами приходили в их дом с щедрыми дарами и украдкой могли положить в ладошки детям по пятидесяти – а то и по столларовой купюре. Это не могло не радовать сына и дочку. Медленно, но они все-таки пришли к благополучию, о котором мечтала маленькая Фатя. Она уже потеряла надежду на триумфальное возвращение в родное село на большой и дорогой машине – и вдруг, вот оно счастье!

Мальчик понимал, что может купить любую игрушку и принести в детский сад много угощений, шокируя этим не только детей, но и преподавателей, с другом сводивших концы с концами в непростые девяностые. Это свалившееся на них благополучие было испытанием для каждого. Рауф, почувствовав свое превосходство над сверстниками и восхищаясь идущим в гору отцом, мог в ответ на замечание наговорить матери в отсутствии отца грубостей. Он, десятилетний мальчишка, грозился, что уйдет из дома, пойдет к отцу или дяде, а ее слушаться не будет. Мать на удивление не сердилась: она умилялась и радовалась тому, что в доме растет настоящий мужчина.

Рауф предпочел бы забыть о своих детских выходках, особенно сейчас, когда сам воспитывал двух сыновей...

– А Мариам всегда была такая умная! – продолжала Фатима-ханум. Два года разница с братом, а такая умная, будто не моя дочка... Учится-учится... нечего ей не надо, кроме книг... и в кого пошла?

– Дай мне попить, сынок, и позови моих детей...

Рауф не знал, как вести себя в таких случаях и обычно звал на помощь жену. Сейчас она очень помогала его матери, и он в глубине души был ей благодарен, но вслух никогда бы об этом ей не заикнулся, потому что... а как же иначе? Он – единственный сын, и мать должна жить с ним, а его жена – о ней заботиться. Мужья сестер принимали ее здоровую погостить и пожить на сколько дней, но теперь сестры принадлежали к другим семьям. Никакому мужчине не понравится больная шестидесятилетняя женщина, особенно если у нее ноги не ходят и в голове непорядок. Теперь он в ответе за мать – это обычный порядок вещей, сложившийся в глубокой древности, и он этому не противился. Так жили их родители; так, наверное, будут жить их дети. Вот здесь Рауф позволял себе некоторые сомнения, потому как уж слишком многое изменилось, даже в его традиционном городе, за последние десятилетия. Жизнь стала другой. Его дети росли гораздо свободнее, чем он и его сестры. Они уже не так зависели от семьи и семейных традиций. Не боялись общественного мнения, позволяли себе спорить со старшими. Девушки водили машины, носили джинсы и откровенные платья, курили, сидели в кафе с подругами, строили карьеру и собственные планы на будущее. Авторитет мужчины в семье был уже не таким незыблемым, как это было раньше, в его детстве. И Рауфа это пугало. Он гордился тем, что в его семье всегда придерживались традиций, и он, как мог, противился этому новому, пугающему его влиянию извне, стремясь сохранить привычный порядок вещей. Хотя именно он, этот традиционный взгляд на жизнь, когда-то не позволил ему быть по-настоящему счастливым...

Мать затихла, и сын был этому рад. Можно выскользнуть из комнаты на кухню, где его ждал традиционный плотный завтрак, приготовленный заботливой женой. По звукам, доносившимся из детской, он понял, что Сева торопила мальчишек в школу и проверяла портфели. Потом она пойдет к матери и разберется там во всем по-женски. Его ждет офис и привычный рабочий день. Вечером – интересный футбольный матч. Сейчас у них с женой все наладилось. Мамина болезнь их сблизила снова. Ночью жена засыпала у него на плече и больше не смотрела с укоризной. Рауф не хотел думать о прошлом, портить себе хорошее настроение воспоминаниями и с аппетитом принялся за еду.

В этот момент солнце вырвалось из серого плена, ослепительный поток яркого утреннего света рухнул на город, пробрался в комнату Фатимы-ханум и осветил ее кровать. В то же самое время вспыхнула ярким светом прежде неприветливая гладь Каспийского моря.

Глава 7

Сказать, что город ветров поразил семнадцатилетнюю Фатю – значит не сказать ничего. Новая жизнь, многообразная, разноликая, шумная и бурлящая, так отличалась от того, к чему привыкла девушка. Фуникулер и парк имени Кирова, Девичья башня и чудесный Приморский бульвар, начинавшийся с гостиницы «Апшерон» и заканчивающийся Азнефтью, пугающее своей глубиной метро и плавно плывущие по городу троллейбусы – первая прогулка с братом восхитила и испугала девушку одновременно. «Я никогда не смогу здесь разобраться сама!» – думала Фатя. Но ей все же пришлось это сделать, потому что старший брат заканчивал медицинский институт и не мог повсюду сопровождать сестру. Первые два-три дня он провожал ее в институт и обратно, объяснял, как пользоваться метрополитеном, наказывал не вступать в разговоры на улице и быть внимательной, переходя дорогу, а в транспорте садиться рядом только с женщинами и избегать пустынных переулков. Все это Фатя знала и сама: больше всего на свете она боялась незнакомых мужчин и зла, которое они могут ей причинить. «Чистота – это лучшее приданое девушки», – это она усвоила с ранних лет.

Избавившись от потрясений первых дней, она решила, что прежде всего ей хочется называться «бакинкой» и напрочь забыть о неказистом домике родителей. Потом нужно избавиться от ошибок в русском языке. Большая часть коренных бакинцев была русскоязычной, и эта традиция имела глубокие корни.

С началом нефтяного бума еще во второй половине XIX века со всех сторон Российской империи и из-за рубежа стали стекаться в город на Каспийском море люди самых разных конфессий и профессий в поисках работы и счастливого будущего. Конечно же, именно русский язык являлся основным языком общения в многонациональном городе. Поэтому Ахмед и Фирангиз стремились дать детям образование на русском языке и надеялись, что дети со временем переберутся в столицу республики. Сейчас Фатя понимала, как важны были уроки Евгении Петровны, которой вся ее семья была так благодарна.

Город, горячий и страстный, но вместе с тем целомудренный, поразил ее огромным количеством красивых и хорошо одетых людей. Но многослойный пирог из разных ингредиентов был все же приготовлен на азербайджанском масле и в азербайджанской печи. Из окон и проезжающих машин доносилась народная музыка, знаменитые мугамы, песни Зейнаб Ханларовой и Флоры Керимовой. Люди помоложе, конечно предпочитали современную российскую и зарубежную эстраду. Однако, познакомившись получше со своими однокурсницами, Фатя поняла, как многого она не знает и не понимает в этой жизни. Городские девчонки, хотя и держались традиций, все же старались быть более современными и образованными. Они много читали, ходили в кино, а некоторые даже в театр, прекрасно говорили по-русски, кто-то даже изучал английский язык. Они умели общаться с противоположным полом и даже имели пару-тройку вполне невинных историй в своем арсенале. В ее детстве, где все было окрашено в черно-белый цвет и полутонов не предполагалось, девушки были более ограничены и замкнуты. И ей, маленькой Фате, пришлось быстро взрослеть. Она мечтала о модной прическе («болгарка» или «итальянка» – так называли ее новые подружки) – отстричь ненавистную косу! Иметь бы новую модную одежду, по которой никто не смог бы понять, откуда она родом!

Городские ребята противопоставляли себя «районским», называли безвкусно одетых девушек «чушечками» и жестоко высмеивали их поведение, речь, внешний вид, шутки. Поэтому всеми силами своей души Фатма хотела избавиться от ошибок, раствориться, ассимилировать, стать своей. Жакеты с подплечниками, яркие кожаные ремни, брюки-«бананы», сапоги на высоком каблуке и кожаный плащ – это то, с чем она засыпала и просыпалась каждое утро. Вот только такая одежда стоила больших денег, а того, что присылали родители, едва хватало на самое необходимое. Большую часть они отдавали Евгении Петровне на веде-

ние хозяйства – оставляли себе на проезд и тетради... Страх враждебного взгляда и грубого ответа мешал ей поначалу общаться с однокурсницами и новыми людьми, появляющимися в ее жизни, но она была способная, эта Фатя, очень способная, и скоро преодолела все страхи и сомнения.

Институт, куда с благословения Евгении Петровны поступила девушка, считался девичьим: молодые ребята были там невиданной редкостью, поэтому-то папа и одобрил этот выбор. Между тем институт, названный в честь М.Ф.Ахундова, просветителя и основоположника азербайджанской драматургии, имел интересную историю. В 1946 году в соответствии с распоряжением Совнаркома СССР был создан Азербайджанский государственный двухгодичный учительский институт. В 1952 году он был преобразован в четырехгодичный педагогический институт по подготовке учителей русского языка и литературы, впоследствии институт был переведен на пятилетний срок обучения. Выпускники работали учителями русского языка в средних школах, где обучение велось на азербайджанском и русском языках. После окончания обычно распределялись в районы, но те, кто успел выскочить замуж или обзавестись детьми, от таких испытаний были освобождены. Именно так в свое время – по распределению – Евгения Петровна оказалась в районе.

Группа, разнообразная и сразу разделившаяся на несколько компаний, не сразу приняла «районскую» Фатю. Подумав и оглядевшись, девушка все же выбрала тех, с кем хотела бы дружить. Несколько самых интересных городских девушек поначалу просто не обращали на нее внимание и не спешили допускать в свой круг. О чем им говорить? Что их могло связывать? Но Фатя была настойчива. Поначалу просто шла следом по старым улочкам, переходящим в лестницы, разглядывала нависающие над головой массивные балконы, старинные здания, памятники и гирлянды белья, вывешенного хозяйками на просушку. На плоских крышах Бакинской крепости, громоздящихся друг на друге, белые простыни напоминали паруса. Оттуда видно было море и казалось, что старые дома – это корабли, плывущие по морю. Потом Фатя попросила почитать книгу, о которой говорили девушки. Прочла романы Ремарка и Ефремова – многое не поняла, но умолчала, попросила следующую книгу, но не потому что увлеклась чтением, просто хотела быть своей. Слушала ту же музыку, ходила на те же фильмы, подражала им во всем, так и не став на самом деле своей.

Особенно привлекательной, умной и смелой казалась, Наргиз, Нара, девушка из хорошей и состоятельной семьи. Ее, пожалуй, единственную, часто забирал после работы отец, занимавший серьезную должность, или его шофер. Нара выбрала институт сама, осознанно, сумела преодолеть сопротивление родителей, предлагавших несколько более престижных вариантов: институт народного хозяйства, университет или медицинский институт, но девушка была непреклонна. Она любила литературу, пробовала писать и не представляла себя ни врачом, ни юристом и уж тем более ни заведующей магазином. Родители, надо признать, оказались не только состоятельными и образованными, но и современными людьми: они не стали мешать дочери. Нара обладала той свободой, о которой Фатя могла лишь мечтать: она сама выбирала себе фасоны платьев, ездила к алверчи (спекулянтке) и на примерку к лучшей в городе портнихе, обслуживалась у лучшего косметолога (Фатя могла лишь догадываться, какие это приятные должно быть, процедуры) и еженедельно приглашала подружек домой. Фатя услышала, что ей нравится какой-то парень, сын друзей семьи, и они уже несколько раз встречались в тайне от родителей и гуляли по Торговой и Приморскому бульвару.

Красивой Нару назвать быть сложно: длинные густые кудрявые волосы, собранные в высокий конский хвост, широкие ноздри и смуглая кожа делали ее похожей на африканскую девушку (и музыка ей нравилась такая – та что исполняла Шаде, певица с похожей внешностью). Но стильная и смелая одежда, естественность и какая-то странная внутренняя свобода помогли Наргиз стать одной из самых заметных и привлекательных девушек на факультете. Она не делала ничего предосудительного, и вместе с тем была смела и свободна. Вот здесь

можно было бы остановиться и спросить Фатю: чем именно ей была интересна Нара? Но бедная Фатма таких вопросов себе не задавала, просто мечтала о том, чтобы и ее когда-нибудь пригласили на девичник, на пятничные девичьи посиделки к Наре домой. Прилагая все возможные усилия, Фатя пока так и не смогла заполучить это заветное приглашение. Она просила книги, занимала Наре лучшие места в аудитории, угощала фруктами, которые ей присылали из дома, рассказывала о сестрах, удачно вышедших замуж и живущих в Москве – все было тщетно.

Однажды в кинотеатре «Вэтэн», расположенном в центре города, девчонки смотрели нашумевший фильм «Чучело», снятый Роланом Быковым. Фатя не могла понять, почему бы не сходить на красивый французский фильм – про индийский она умалчивала, понимала, что девочки их не одобряли. Но Арзу, признанный киновед в их группе, советовала посмотреть именно этот и даже пошла за компанию в кинотеатр еще раз. После фильма все вышли потрясенные – жестокостью школьников и смелостью Лены Бессольцевой. Все, кроме Фати. Она шла рядом и думала о Ленином дедушке: «Каким же надо быть дураком, чтобы просто так отдать целую коллекцию картин городу?!? Подарить, а не продать!» О своем мнении она скромно умолчала, слушала и запоминала то, что говорили девчонки, для того, чтобы потом рассказать Азери и Евгении Петровне и выдать за свое.

На Торговой улице они купили вафельные стаканчики сливочного мороженого и посидели немного в скверике, где памятник 26 Бакинским комиссарам, а потом, спохватившись, заспешили домой. Жители столицы, обрадовавшись вечерней прохладе и опускающимся на город сумеркам, высыпали на улицу. Молодые мамы и бабушки оживленно переговаривались, сидя на скамейках, и приглядывали за шумными детьми. Кто-то возвращался после работы домой или спешил в театр Русской Драмы. Вечерняя жизнь, неведомая и опасная для молодых девушек, началась. Они были одни, без мужского сопровождения, и наступающее время, таинственное и небезопасное, их пугало. Станция метро располагалась неподалеку, и девочки направились туда, но на эскалаторе их осталось только двое: Фатя и Нара. Остальные разбежались по автобусным и троллейбусным остановкам. Такого шанса девушка упустить не могла.

Нара как-то сразу замолчала и потеряла интерес к собеседнице, лениво отвечая на вопросы о завтрашних лекциях. Поезд на их глазах исчез в темном тоннеле, показал свой светящийся хвост, и девушки присели на освободившуюся скамью. Фатя любила этот запах, свежесть и прохладу метрополитена, то, что можно разглядывать пассажиров, придумывая им какую-то жизнь. Но сейчас ее занимала только Наргиз.

– Нарочка, дашь мне почитать книгу, о которой вы говорили сегодня? – Фатя решила поговорить на любимую девушкой тему.

– Какую?... – удивленно вскинув брови спросила Нара.

– Ту... про какого-то мастера...

– А! – рассмеялась Наргиз. – «Мастер и Маргарита?»... Я конечно, тебе дам, но вряд ли ты там что-то поймешь. Мои родители говорят, что это особая литература, неразвлекательная.

– Я хочу прочитать... – неуверенно пробормотала девушка, уже жалея, что завела об этом разговор. Ну уж если родители Наргиз так считают, то стоит ли мучиться и чувствовать себя полной дуррой?

– Ты же читала «Три товарища?» И как тебе?

– Интересно... Жаль, что Пат умерла.

– А у Булгакова все не так просто... я сама три раза начинала, и не могу себя заставить дочитать. Мама говорит, что такие книги читают несколько раз, и в разном возрасте воспринимаются по-новому... Мне мешает эта библейская история... пока не пойму, как она может связаться с московским сюжетом...

Фатьма представляла, что ее могут спросить о прочитанном... А если она что-то не поймет? Она станет смешной в их глазах? И зачем она только завела этот разговор, если книга оказалась такой трудной и непонятной?!?

Нара выпрыгнула через пару остановок, напоследок бросив невзначай фразу, о которой бедная Фатя мечтала несколько месяцев подряд:

– Приходи завтра вместе с девчонками к нам после лекций – заберешь книгу. Ну, все, пока! – она даже не заметила, какой счастливой сделала этим Фатю...

Та неслась домой, не чувствуя земли под ногами. Боясь наступающей темноты, она сошла на станции Нариманова и побежала в сторону дома. У метро ждал ее брат. Он стоял уже больше часа, и, по его подсчетам, фильм давно должен был кончиться. Беспokoясь за сестру, он не позволял себе думать о плохом и едва не упустил ее, бежавшую мимо. Какая она все же глупенькая, эта Фатя! Ошалела от большого города. Не надо было отпускать ее в кино, ведь если случится что – виноват будет он, отец спросит с него. А зер не хотел неприятностей: ему осталось совсем немного, через пару месяцев он получит диплом, а потом... новая интересная самостоятельная жизнь!

Сестренка перешла на родной язык и делилась впечатлениями от сегодняшнего вечера. Потом, за накрытым к ужину столом, она повторяла чужие слова, восхищаясь фильмом, и главное – просилась завтра в гости к лучшей девушке факультета. Очень просилась.

Глава 8

Фатя думала, что в груди у нее зияет пустота и какое-то знакомое саднящее чувство – совсем такое, которое она испытывала когда она с высоты своего тутовника видела, как соседские мальчишки и девчонки собирались в летний лагерь, в другую часть республики, где зеленые леса, высокие горы и шумные реки. Совсем такое, когда друзья уезжали по пыльной дороге к морю, которое она видела так редко. Но ничто: ни детский лагерь, ни море, ни чужие красивые игрушки – не могли сравниться с тем, что она чувствовала, сидя за красиво накрытым столом вместе с другими однокурсницами в гостях у Наргиз. Она все-таки добилась своего, эта Фатя!

Она смеялась и хвалила угощения, приготовленные мамой и сестрой ее новой подружки, но в душе у нее была только одна мысль: я никогда не стану такой! У меня никогда не будет таких доверительных отношений с современными родителями, такой квартиры, большой и богато обставленной, такого сияющего паркета и деревянной мебели! У меня никогда этого не будут!.. Они были совсем другими – свободными и уверенными в завтрашнем дне! Она чувствовала запах денег во всем: в том, как они говорили, что ели, какие планы строили на ближайшие выходные, с какой легкостью бросали одежду в своей комнате и переодевались во что-то другое. «Разве можно это носить дома?» – думала бережливая Фатя.

Мама Наргиз выглядела, женщиной, которая ни в чем себе не отказывает. Долго спит по утрам, потягиваясь, выходит к позднему завтраку, тщательно выбирает наряд, укладывает волосы, наносит легкий макияж и не спеша спускается к машине, которая везет ее на работу в музыкальную школу. Там она директорствовала, царственно восседала на троне – так виделось Фате. Белокожая и голубоглазая, она, казалось, не замечала палящего солнца, дефицита в стране, продуктов, что отпускались только по талонам, и оставалась красивой настоящей женщиной при любых обстоятельствах. При этом легкой, общительной (если хорошо выспится – предупреждала Нара) и с удовольствием поддерживающей разговор с молодежью за столом. Девочки, давно приходящие в дом, похоже, не стеснялись и рассказывали о студенческой жизни весело и открыто. Нарина сестра была очень похожа на маму: видимо, кучерявые волосы и смуглую кожу вторая дочка унаследовала от отца. Зема была уже засватана, ей позволялось ходить с женихом в кино, есть мороженое в кафе и гулять в центре города. Нарина мама называла его «сынком» и без церемоний принимала дома, даже если он приходил без родителей. Фатя даже не хотела знать, как он выглядит: знала и без слов, что высок, красив и богат. Разве какой-то другой парень мог быть рядом с красавицей Земой? И жизнь у них будет легкой и замечательной – роскошная свадьба, красивый дом и прекрасные дети. И Зема будет также выходить на кухню в воздушном пеньюаре, как и ее мама; никуда не торопиться и никогда не считать, сколько денег осталось до зарплаты.

Никто не упрекнул бы эту семью в том, что они не поддерживают традиции, и между тем, будучи из одного теста, они были другими! Варились в том же масле, выпекались в той же печи – и были другими!

Когда пришел папа, улыбающийся, кучерявый, смуглый усач, дочери побежали встречать его с поцелуями и тапочками. Девочки спешили заварить свежий чай, а мама особенно не суетилась, будто ждала, что он сам подойдет и приложится к пухлой белоснежной руке, украшенной изящными, но дорогими кольцами. Отец вполголоса что-то сказал о ящиках с болгарским лечо и зеленым горошком – мама ответила, что лучше занести вечером, чтобы избежать любопытных глаз соседей. Папа согласился и отпустил шофера, что-то сказав ему на ухо. Фатя вжалась в стул, не зная как вести себя дальше. Ее отец с гостями-мужчинами обычно уходил в другую комнату, куда дочери подавали чай или обед и с улыбкой удалялись. Нарин отец уходил не собирався: он без церемоний присел вместе с ними и стал запросто вести разго-

вор. Перед ним мгновенно выросла тарелка с ножом и вилкой, сразу подогрелась вкуснейшая кляям-долмасы (голубцы), обложенная кусочками пахучей айвы, и папа так естественно влился в их молодую компанию, будто не было ни барьеров, ни запретов.

– Ну, девчата, как учеба?

– Хорошо, спасибо, – ответила за всех бойкая Арзу, – скоро будем готовиться к сессии.

– Это интересно... Какие были мои студенческие годы! Вот бы вернуть то счастливое время, когда вся жизнь впереди! Да? – он обратился к жене, рассматривающей свой безупречный маникюр.

– И чтобы ты тогда сделал?

– Как что? Все равно женился бы на своей красавице! – смуглый усач приобнял улыбающуюся супругу и поцеловал в лоб.

– Папа! – засмеялись дочери, будто стыдясь отцовских признаний. Но на самом деле они были рады тому, что папа так сильно любит маму, а она позволяет ему это делать.

– Девчата, а знаете ли вы историю с памятником Мирзе Фатали Ахундову, чье имя носит ваш институт?

– Нет...

– Отец, ну зачем им это знать? Это лишнее, – осторожно запротестовала мама Наргиз.

– Да, ничего в этом такого нет! Успокойся, родная! Ну так вот... байка это или нет, я не знаю, но очевидцы говорят: было на самом деле... В доме, что находится прямо за памятником Ахундову, собралась какая-то веселая мужская компания. Выпив больше положенного, они вдруг заметили: памятник сидит к ним спиной! Почему все так несправедливо?!? Одни говорят, что весельчаки, раздобыв где-то лом и лопаты, стали разворачивать Ахундова к себе. Другие утверждают, что поздней ночью компания отыскала где-то подъемный кран, но на утро люди, идущие на работу, испытали шок! Ахундов смотрел совсем в другую сторону! Конечно же, этим занялись особые органы и быстро отыскали нарушителей порядка. Что было с ними дальше – до конца неизвестно. Кто-то говорит, что они положили на стол партийные билеты и лишились работы. Другие, как ни странно, клянутся, что начальство МВД и КГБ оказалось с юмором, и весельчаков отпустили с миром. Вот такая история!

Девочки с удивлением выслушали рассказ и усомнились: никогда бы не предполагали, что такое может быть на самом деле!.. Фате нравилась семья новой подруги, квартира и вкусное угощение, но она не могла правильно пользоваться ножом и испытывала большую неловкость. Этот комплекс неполноценности она ощущала во всем: в том, как ей приходилось подбирать слова, в неумении пользоваться столовыми приборами, в простенькой одежде и в заштопанных колготках. На Торговой улице, что в центре города, сидела в небольшом магазинчике женщина, которая за небольшую плату «поднимала» убежавшие петли и давала колготкам вторую жизнь. Женщины были этому чрезвычайно рады, потому что колготки являлись дефицитным товаром. Однажды Фатя видела, как женщина одевает чулок на лампу и сквозь очки, сидящие на длинном носу, разглядывает неполадки, которые ей предстоит ликвидировать. Так вот, Фатины колготки побывали у той мастерицы не единожды, а Нара после обеда так легко подарила новую упаковку Арзу, которая обнаружила, что ее колготки было уже не спасти никакой умелой женщине!

Когда родители удалились в свою комнату, а девочки побежали вместе с Земой в «детскую» смотреть фасон ее будущего свадебного платья, Фатя ненадолго задержалась за столом. Они уже выпили чай с вареньем из айвы и инжира, съели пахлаву и шекербуру, угостились сочным виноградом, но кляям-долмасы продолжала соблазнительно лежать на большом блюде, украшенном кинзой. Рядом, в соуснике, белел мацони с чесноком и зеленью. Фатя так хотела попросить добавки, но очень-очень стеснялась! Воспользовавшись тем, что она осталась наедине с желанным блюдом, девушка мгновенно, без помощи вилки и уж тем более ножа, схватила двумя пальчиками долму, окунула ее в белый соус и проглотила на одном дыха-

нии. Потянулась было за другой, вот только Нара зачем-то вернулась на кухню и поняла причину Фатиной задержки. Фатя покраснела до ушей и смотрела испуганными глазами на новую подругу.

– Ну, что? Нельзя было просто попросить положить на тарелку то, что тебе хотелось? Мы же не звери какие!..

Не дождавшись ответа, девушка, подхватив блюдо с орешками и сухофруктами, устремилась в «детскую». Фатя, едва чувствуя ватные ноги, красная и испуганная, поплелась за ней. Она ждала, что Нара сейчас всем расскажет о том, что видела – в свойственной ей манере, с юмором и передразниванием, так, как может только она, но девушка промолчала!

Даже тогда, когда все уселись на мягкий пушистый ковер смотреть музыкальную программу и лакомиться виноградом «дамские пальчики», Нара не сказала ни слова! Фатино беспокойство продолжалось несколько дней, но она беспокоилась зря: никто и никогда не узнал о том случае на кухне, но Фатя не была благодарна Наргиз за это! Нет! Она возненавидела ее еще больше!..

Домой девушка вернулась совершенно разбитой. В метро было пусто, в вагоне тоже, и она рассматривала свое жалкое отражение, стоя у двери. Бедная районская девчонка – «чушечка»! Смотрела и ненавидела себя.

Ни брат, ни Евгения Петровна, не смогли вытащить из нее ни единого слова. Тебя кто-то обидел, Фатечка? Что случилось? Тебе там не понравилось? Что произошло, ты же так хотела пойти в гости к подруге?!?

Девушка легла раньше обычного, бросив на кухонном столе ненужный роман Булгакова, подхваченный Евгенией Петровной, и горько заплакала. Почему? Ну, почему жизнь так несправедлива? Кому-то – все, а другим – ничего?!? Почему? У меня никогда не будет такого дома, такой счастливой беззаботной жизни! Почему, Господи? Разве это справедливо?

Глава 9

Когда серьезно заболела мама, Евгении Петровна пришлось вернуться домой. Ей было уже около тридцати пяти – время безвозвратно упущено. Женина мама, давно осознав, что сердце дочери несвободно, так и ушла, не дождавшись внуков. Евгения Петровна стала работать в городской школе, но семья Ахмеда по-прежнему была для нее родной. Приезжая по делам в столицу республики, доктор, прихватив кого-то из детей (иначе неудобно, красивая женщина живет одна – что подумают люди?), останавливался по старой памяти у Жени-ханум. Та гостям была бесконечно рада, много готовила, стелила белую скатерть, хвалила гостинцы, посланные Фирангиз, и всегда отправляла что-то в ответ. Пустую тарелку не возвращают – да!

Женин Баку был совершенно особым: театральным, музыкальным и духовным центром республики. Она находила успокоение своей страдающей душе, слушая музыку и читая книги. Она была благодарным читателем и слушателем, забывая об окружающем ее мире. Женя подружилась с букинистами, которые могли достать любую книгу, была записана в пять городских библиотек и одинокие вечера проводила с пользой для души и сердца. Театральная жизнь республики была в то время была удивительно разнообразной. Женя любила Театр Русской Драмы имени Самеда Вургуня и не пропускала ни одной постановки. С «Иронией судьбы» она познакомилась задолго до знаменитого фильма Эльдара Рязанова. Удивительно, но спектакль ей тогда казался немного более интересным: Адамов и Фалькович играли божественно! Позднее она полюбила творчество Фуада Поладова и Людмилы Духовной. «Милочка» – так ее называли бакинцы. Эти актеры пользовались огромной популярностью у театралов! Режиссер Александр Шаровский – еще один уникальный бакинец, педагог по образованию, футболист по призванию и режиссер от Бога, всегда радовал зрителей прекрасными постановками. «Круг» по С. Моэму и «Дорогая Памелла» по пьесе Дж. Патрика Евгения Петровна смотрела несколько раз.

Губернаторский сад (Михайловский или Городской) в центре города казался ей огороженным от суетной и шумной жизни невидимым и прочным забором. Зеленый уголок тишины и умиротворения. Женя любила посидеть здесь с книгой, послушать плеск воды в фонтане, послушать музыку и потом спуститься к набережной. Губернаторский сад, разбитый в 30-х годах XIX века на пустынной почве, долгое время оставался единственным садом в столице. Комендант города предписывал капитанам и владельцам судов, идущих из Ирана в Баку, привозить несколько мешков чернозема для закладки сада. Первоначально сажали карагач, акацию, сосну и шелковицу, со временем разбили цветники и привезли даже диковинных фламинго, постоили беседки и террасы. Городская управа намеревалась заполнить пустующий круглый резервуар водой и поселить там лебедей, но тогда этой идее не удалось осуществиться. Прежде вход в парк для простых жителей был ограничен одним днем, но теперь жители и гости Баку могли гулять там ежедневно. Не только гулять, но и ходить на концерты в республиканскую филармонию. Тихой и одинокой была жизнь Евгении Петровны. Мысленно она часто возвращалась в свою прежнюю деревенскую жизнь, где она чувствовала себя такой счастливой.

Первым приехал учиться в город старший сын Ахмеда. Азер, продолжая дело отца, поступил в медицинский институт. Не то, чтобы по призванию. Никого лечить особенно не хотелось, но отец занимался с ним химией и биологией, Евгения Петровна добилась того, чтобы он прекрасно знал русский язык и литературу, так что никакой другой дороги у него не было. Да и разве плохо учиться в столице?

Евгения Петровна и слышать не хотела ни о каком общежитии.

– Я живу одна, полдня в школе, потом дома с тетрадями. Никто меня не стеснит! Пусть живет у меня – и мне веселее, и за мальчиком будет кому присмотреть.

– Женя-ханум, мы и не знаем, как Вас благодарить, – говорил Ахмед, приехавший в город с супругой.

– Какая благодарность! Мы же не чужие люди! Я люблю Ваших детей как своих, – здесь произошла неловкость, конечно. Они оба знали, что никаких детей у Евгении Петровны нет, и оба догадывались о причинах.

Глава 10

Для Азера город открылся совсем другим – не таким, как для его младшей сестры. Он сразу же обзавелся друзьями – однокурсниками и земляками – и они стали исследовать, изучать город ветров, расположенный на мысе, врезанном в Каспийское море, обдуваемый ветрами и омываемый морем с трех сторон. Волны Каспия исходили белой пеной, чайки тревожно кричали и хлопали крыльями, а они с друзьями шли по Приморскому бульвару большой толпой, человек по десять-пятнадцать, с магнитофоном в руках, в кафе «Кофе Гляссе» или в «Садко», потому что это были главные тусовочные места центральной части бульвара. После фильмов в кинотеатре «Азербайджан» ребята шумной гурьбой направлялись в продмаг, покупали умопомрачительные слоеные пирожки с мясом и рисом, бутерброды из французской булки с любительской колбасой и мороженое в вафельном стаканчике. Особый шик – есть мороженое во время киносеанса, прямо в зале. Настоящий кайф!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.